

DOI: 10.31857/S086904990015228-2

Оригинальная статья / Original Article

Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»?

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmityy90@gmail.com

В статье рассматривается идея меритократии, которая сегодня все чаще подвергается критике. Показано, что актуальность дискурса о меритократии обуславливает объективно возросшая роль образования и различных творческих и технических дарований в условиях бурного технологического развития. Вместе с тем критики справедливо указывают, что меритократия стала во многом мифом, к которому обращаются плутократы, чтобы оправдать свои привилегии, статус и богатство. Критикуют и саму идею меритократии, которая ориентируется исключительно на технические компетенции и способности, востребованные неолиберальной экономикой. Многие авторы говорят о необходимости справедливо вознаграждать и подчеркивать роль малоквалифицированных работников, которые зачастую (особенно в условиях пандемии COVID-19) приносят больше общественной пользы, чем высокообразованные финансисты или банкиры. Тем не менее, как показывает автор, такую критику можно считать скрытой апологией меритократии. В данном случае критики лишь обосновывают более глубокое неравенство, связанное с долгосрочными перспективами и самореализацией. Она ведет к цементированию «вторичного» статуса работников «руки» и «сердца», чья судьба в контексте автоматизации и развития технологий искусственного интеллекта может оказаться незавидной. На взгляд автора, единственной альтернативой такому положению вещей может стать лишь отказ от меритократии как нормативного концепта. Ее стоит признать неизбежным злом, связанным с несовершенством общественных институтов и отчасти природы человека. Меритократической погоне за статусом и властью автор противопоставляет идеал всеобщего стремления к максимально возможному и, что примечательно, всестороннему развитию, а также к практическому применению талантов и дарований всех без исключения.

Ключевые слова: меритократия, капитализм, посткапитализм, прекариат, социальное неравенство, социальная справедливость, марксизм, неолиберализм

Цитирование: Давыдов Д.А. (2021) Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»? // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–42. DOI: 10.31857/S086904990015228-2

Meritocracy and its Enemies: Is There an Alternative to the "Tyranny of Merit"?

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia),
davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract. The article examines the idea of meritocracy, now increasingly criticized. It is shown that the relevance of the discourse on meritocracy is due to the objectively increased role of education and various creative and technical talents in the context of rapid technological development. At the same time, critics rightly point out that meritocracy today has become largely a myth that plutocrats use to justify their privileges, status and wealth. The very idea of a meritocracy that focuses exclusively on the technical competencies and abilities demanded by the neoliberal economy is also criticized. Many authors talk about the need to fairly reward and respect low-skilled workers, who often (especially in the context of the COVID-19 pandemic) bring more public benefit than highly educated financiers or bankers. Nevertheless, the article shows that this criticism is a hidden apology of meritocracy. In this case, critics justify deeper inequalities associated with long-term prospects and self-realization. It leads to cementing the "secondary" status of workers of the "hand" and "heart", whose fate in the context of automation and the development of artificial intelligence technologies may turn out to be unenviable. In the author's opinion, the only alternative to this state of affairs is to reject meritocracy as a normative concept. It should be recognized as an inevitable evil associated with the imperfection of social institutions and, in part, human nature. Accordingly, the author contrasts the meritocratic pursuit of status and power with the ideal of universal striving for the maximum possible and, what is remarkable, all-round development and practical application of the talents of all without exception.

Keywords: meritocracy, capitalism, post-capitalism, the precariat, social inequality, social justice, Marxism, neoliberalism

Citation: Davydov D. (2021) Meritocracy and its Enemies: Is there an Alternative to the "Tyranny of Merit"? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 30–42. DOI: 10.31857/S086904990015228-2 (In Russ.)

Введение

В последние годы в общественных науках активно обсуждают феномен меритократии. В центре дискуссий находится способ обоснования (или «легитимации») богатства и власти элит в условиях неолиберального капитализма, который заключается в апелляции к заслугам. К ним могут относиться как престижное (можно сказать – «исключительное») образование, так и прочие трудовые, предпринимательские и т.д. достижения, обладание которыми имеет решающее значение в экономике, где «победитель получает все». Многие критики [Фрэнк 2019; Carnevale, Schmidt, Strohl 2020; Davies 2019; Goodhart 2020; Guinier 2016; Littler 2017; Markovits 2019; Sandel 2020], тяготея к левым политическим взглядам, по-разному разоблачают «миф о меритократии», согласно которому сегодня каждому дарованы все необходимые возможности, а если кто-то богат и влиятелен, то исключительно в силу *личных заслуг*. Дискурс о заслугах стал, в сущности, маскировкой реального неравенства возможностей. Те, кто приписывает себе какие-либо достижения, нередко имеют куда больше возможностей (от богатства до удачи). Поэтому критики пытаются ослабить нормативную силу концепта меритократии, акцентируя внимание на проблемах неравенства возможностей.

Однако сегодня критика меритократии во многих случаях выливается в ее скрытую апологию, когда вместо максимального развития и реализации талантов каждого критики

лишь утверждают необходимость уважать и соответственно поощрять малоквалифицированный труд. Сам «миф о меритократии» в итоге так до конца и не разоблачен. По мнению автора, существует довольно большое количество причин, по которым меритократию стоит признать нежелательным принципом (реальным или декларируемым) формирования элит. Однако стремиться преодолевать меритократию следует не путем «пораженческой» благотворительности в пользу аутсайдеров рыночной экономики, а путем возможно полного раскрытия талантов каждого для общего дела. Эти таланты следует применять не в способствующей отчуждению меритократической гонке за индивидуальным успехом, а в коллективном достижении общего блага.

Проблематичная меритократия

Что такое меритократия? Если говорить в общем, то идея достаточно проста – на вершине общественной пирамиды должны находиться те, кто этого заслуживает, а не богатые или знатные. В данном смысле идея меритократии стала актуальной отчасти в результате бурного технологического развития в XX веке, которое потребовало от экономических и политических элит большого набора компетенций, а также навыков и способностей, необходимых для ориентации в усложняющемся мире. Кроме того, к меритократии обращались, чтобы противопоставить ее уравнилельным идеям, которые нередко ассоциировали с коммунизмом, вне зависимости от того, насколько они воплотились в практике стран реального социализма. Меритократия справедлива из-за того, что не облачает всех в одинаковые одежды, а вознаграждает наиболее ярких и трудолюбивых, тем самым подстегивая продуктивную конкурентную борьбу. Однако уже в «чистом замысле» с идеей меритократии возникли определенные проблемы.

Впервые термин «меритократия» употребила Х. Арендт, хотя авторство термина приписывают одному из первых относительно современных исследователей – М. Янгу. Он обратился к идее «власти достойных» (отметим, что сама идея достаточно стара – взять хотя бы легизм) в своей знаменитой антиутопии «Возвышение меритократии» (1958) [Young 1961]. В ней описано гипотетическое будущее, в котором человечество (рассматриваемое на примере отдельной страны – Великобритании) пришло к консенсусу, что наиболее важные управленческие, политические, экономические и т.п. позиции должны занимать наиболее умные (по коэффициенту интеллекта – IQ) и трудолюбивые. Янг утверждает формулу, согласно которой заслуги = таланты + усилия.

При первом приближении такую перспективу можно только приветствовать, ведь меритократия уничтожает власть привилегированных и богатых. Однако антиутопия Янга не была бы антиутопией, если бы не точно подмеченные им проблемы. Во-первых, неравенство «по заслугам» может унижать человеческое достоинство значительно сильнее «несправедливого» неравенства по независящим от простых людей обстоятельствам (присвоение земель феодалами, собственность на средства производства у капиталистов и т.п.). Именно поэтому по сюжету Янга высокомерная власть меритократов в итоге провоцирует восстание «социальных низов». Во-вторых, ни один из критериев выявления «лучших» или «достойных» не может быть признан универсальным. С помощью тестов IQ нельзя измерить такие важные достоинства, как способность любить, верность, дружелюбие и т.п. (да и, как выясняется сегодня, данный показатель характеризует интеллект не всегда удачно). В-третьих, неравенство результатов плохо сочетается с равенством возможностей. Первое всегда ведет к нарушению второго, так как «справедливое» вознаграждение за «заслуги» увеличивает объективные возможности «победивших» в конкурентной гонке. В антиутопии Янга проблема проявила себя в том, что прослойка меритократов, несмотря на противодействие, стала наследственной кастой. Как автор постарается обосновать далее, этим недостатки меритократии не исчерпываются, хотя данной проблемы уже достаточно,

чтобы усомниться в самой идее «власти достойных». Правда, многие современные теоретики, условно говоря, «критикуют меритократию ради меритократии». Вернее, они критикуют «миф о меритократии», стремясь к «чистой» меритократии, но сталкиваются с теми же проблемами, на которые пророчески указал Янг.

Критика «мифа о меритократии» во имя меритократии

М. Янг в своей антиутопии описывал «чистую» меритократию («испортившуюся» лишь ближе к своему краху). «Чистая» меритократия означает наличие конкретного критерия отбора «достойных» (IQ), а все прочие факторы, которые мешали бы отбору (неравенство возможностей), исключены. Однако в чистом виде меритократия вряд ли может существовать. «Чистая» меритократия всегда смешивается с «мифом о меритократии». Последний представляет собой способ оправдания власти, социального положения, богатства или тех или иных привилегий путем апелляции к «заслугам» или «достоинствам». В сущности, «миф о меритократии» куда древнее, чем идея меритократии как «честного» («прозрачного», «точного» и т.п.) отбора элит по способностям и заслугам. Еще в далекой древности находились люди, утверждавшие, что они от природы способны править более успешно, чем остальные. Так, Платон оправдывал неравенство мифом о том, что бог примешал в души людей частицы металлов: в души правителей добавил золото, в души их помощников серебро, а в души земледельцев и ремесленников – железо и медь. Здесь принцип аристократии неотличим от принципа меритократии, ведь аристократам приписывали «врожденные» качества («достоинства»), превосходящие качества всех остальных. Как очень долгое время полагали, аристократы обладают особой «благородной» кровью, дарующей многие достоинства (часто «смешанные» браки считались недопустимыми именно по данной причине). В Новое время «меритократический» элемент стал более явным при оправдании привилегированного статуса знати. Аргумент в пользу аристократического статус-кво все больше опирался на превосходство, якобы дарованное исключительными культурными возможностями и достижениями.

Однако «достойным» мог быть не только обладатель определенного цвета крови. В конце концов, «миф о меритократии» может работать не только на аристократов, но и на плутократов. Так, ранние протестанты объясняли экономический успех и богатство «избранностью» (божественной благодатью). «Дух капитализма» рождался под меритократической звездой оправдания богатства важнейшим достоинством – трудолюбием. В принципе, в похожем виде «миф о меритократии» дожил до сегодняшних дней. Миф об американской мечте опирался и опирается на идею self-made person – «человека, создавшего себя» исключительно путем упорного труда. США – страна возможностей, где никто не стеснен сословными рамками и благодаря своим достоинствам почти наверняка станет успешным.

В современных же технологических реалиях, когда роль «человеческого капитала» в экономике как никогда высока, меритократический дискурс выступает на первый план, чему есть свои объективные причины. Как и в антиутопии Янга, запрос на достоинства, трактуемые теперь преимущественно как образованность и уровень интеллекта, возник в условиях ускоряющейся технологической конкуренции еще во времена холодной войны. В то время университеты перестали опираться исключительно на аристократические элиты и постепенно переходили к конкурсному отбору, ориентируясь на стандартизированные тесты SAT и ACT. Да и сами университеты включились в борьбу за высокие академические рейтинги. Усложнение экономики, ведущая роль науки и техники в информационном и «постиндустриальном» обществе послужили главными факторами, способствующими формированию меритократической элиты (снова почти по сюжету Янга). Ее представители занимали ведущие места в политике, финансах, IT, медицине, образо-

вании и других областях, где был востребован «человеческий капитал». Соответственно, сегодня все чаще говорят о наступлении эпохи меритократии, о времени, когда таланты и способности открывают все дороги к успеху.

Несмотря на указанные тенденции, пока можно говорить, что мифического в меритократических дискурсах больше, чем реального. Де-факто современный «миф о меритократии» поставлен на службу неолиберальным элитам, а точнее – плутократам. Дискурс о «заслугах» и «достоинствах» хорошо укладывается в неолиберальное представление об экономике как повсеместной конкурентной борьбе, в которой выживает сильнейший. Сегодня такими «сильнейшими» оказываются представители технократических элит вроде Дж. Безоса или М. Цукерберга, а также менеджеры глобальных корпораций, банкиры и финансисты, обязательно имеющие докторские степени или дипломы университетов уровня Лиги плюща. Стало быть, меритократическим дискурсом можно легко оправдывать колоссальное социально-экономическое неравенство, ведь ушли в прошлое времена, когда богачи вели «недостойный» праздный образ жизни. Напротив, как отмечает Д. Марковиц, представители современных элит работают усерднее, чем когда-либо прежде, тяжелее, чем остальная часть общества. Взрослые преклонного возраста (мужчины и женщины) со степенью бакалавра или более высоким уровнем образования менее чем в два раза реже бросают работу, нежели их сверстники со средним профессиональным или общим образованием. Более того, «элиты работают значительно дольше (если говорить о рабочей неделе), чем их коллеги из среднего класса, и у них меньше досуга» [Markovits 2019, 135]. В такой ситуации очень легко закрыть глаза на любые преимущества сверхбогатых, ведь они (якобы) заслужили все свои состояния.

Неудивительно, что политический истеблишмент западных стран (в особенности США и Великобритании) так симпатизирует идее меритократии¹. Если богатые богатеют, а бедные беднеют, то, по мнению представителей элит, главная причина – в недостаточном трудолюбии «низов» или в отсутствии необходимых «достоинств». Как утверждает Дж. Литтлер, «меритократию необходимо раскрыть как идеологически заряженный дискурс, который пронизывает очень многие области – от школы до работы и реальности-шоу» [Littler 2017, 8]. Следовательно, в таких условиях концепт меритократии действует «как идеологический миф, скрывающий и расширяющий экономическое и социальное неравенство» [Littler 2017, 7]. Дело не только в сокрытии реальной плутократии вуалью заслуг. Так, сегодня зачастую богатые приобретают «входные билеты» в престижные университеты для своих детей². Они применяют самые разные средства: от подкупа членов экзаменационных комиссий и спонсорства до фиктивных медицинских диагнозов, дающих преимущества при тестировании [Carnevale, Schmidt, Strohl 2020]. Более того, богатые способны обеспечить своим детям образование самого высокого качества, чего не скажешь о людях, детям которых доступны исключительно бесплатные школы в бедных районах (в США бюджеты школ сильно зависят от местного налога на недвижимость). Соответственно, деньги легко конвертируются в заслуги и наоборот.

В результате возникает соблазн бороться за «чистую» меритократию. Некоторые авторы ограничиваются исключительно критикой «мифа о меритократии», не имея ничего

¹ Примеров много. Д. Марковиц писал: «Пол Райан разделил мир на “берущих” и “творцов”; Митт Ромни также жаловался, что американцы, которые “зависят от правительства”, выступают против “принятия на себя личной ответственности и заботы о своей жизни”; Барак Обама предположил, что “ожесточенные” консерваторы из рабочего класса “цепляются” за оружие, религию и предрассудки, чтобы сохранить свое самоуважение перед лицом неспособности выстоять в экономической (читай меритократической) конкуренции; а Хиллари Клинтон заклеила половину сторонников Дональда Трампа фанатичной “корзиной негодяев”» [Markovits 2019, 193].

² В целом, доля богатых в престижных университетах сверхвысока. В США в университеты Лиги плюща поступает больше студентов из семей с верхним 1% диапазона доходов, чем студентов из всех нижних 50%. То же самое и в Великобритании: представители 20% самых богатых семей в семь раз чаще посещают университет Russell Group, чем представители самых бедных 40% [Goodhart 2020].

против данной концепции в целом. Так, в книге, посвященной критике «мифа о меритократии» в американских университетах, Э. П. Карнивейл, П. Шмидт и Дж. Штрол выступают лишь за «очищение» меритократии. «Мы уверены, – пишут они, – что колледжи и университеты превращают самых способных и трудолюбивых в высокопрофессиональную элиту, достойную возложенной на нее власти. В школьном возрасте нас учат, что у всех в Соединенных Штатах есть равные шансы, независимо от классового происхождения или демографических характеристик, пройти через систему образования и стать частью высших классов. Поступив в институт, человек может изменить свою судьбу в жизни, но только если система основана на возможностях, справедливости и заслугах. Вместо реализации этого идеала мы как страна построили систему, которая стремится поддерживать классовую и расовую аристократию посредством интенсивной и несбалансированной конкуренции» [Carnevale, Schmidt, Strohl 2020, 234].

Однако проблемой может быть сама по себе меритократия (М. Янг писал как раз о «чистой» меритократии). Унижающее достоинство «честное» (например, зависящее от врожденного уровня интеллекта) неравенство и разрушение общественной солидарности можно назвать неизбежными атрибутами меритократии. Одновременно «честную» меритократию выстроить практически невозможно, так как заслуги подчас трудно отличить от преимуществ. С. Дэвис отмечает: «чтобы существовала действительно меритократическая система, должно наблюдаться подлинное равенство возможностей, то есть все люди должны начинать на равных с рождения и в самом раннем детстве. Это особенно важно из-за неопровержимых доказательств того, что различия в семейных условиях влияют на различия между детьми уже в возрасте от двух до четырех лет, а затем они сохраняются и даже увеличиваются на протяжении всей жизни. Что бы это значило? Это потребует конфискационного налога на наследство, чтобы никто не получил унаследованного состояния. Однако, если подходить к делу более серьезно, то это потребовало бы упразднения семьи из-за огромных дифференцированных выгод, которые дает рождение в определенных домашних хозяйствах и семьях. Эти и другие необходимые меры могли бы быть реализованы только тоталитарным государством» [Davies 2019]. В противном случае при идеальных изначальных условиях общество столкнется с ловушкой меритократии (которую отчасти описал уже Янг), когда «достойные» приобретают те или иные преимущества, а тем самым и способность передавать свой статус по наследству (образуя своеобразную «касту»). Д. Марковиц справедливо замечает, что уже сегодня трудно понять, где плутократы прикрываются «мифом о меритократии», а где уже реальные меритократы занимают позиции на верхушке социально-экономической лестницы и «честным» образом передают свой статус детям: не путем подкупа или махинаций, а благодаря высокоинтеллектуальной и максимально комфортной для личностного развития среде их роста [Markovits 2019].

Некоторые авторы предпринимают попытки поставить под вопрос не «миф о меритократии», а саму меритократию (как принцип формирования элит). Здесь можно продвинуться даже дальше, чем М. Янг. Вопрос, правда, заключается в том, действительно ли критики меритократии критикуют ее, или же речь идет о скрытой апологии общества, которое все сильнее расслаивается на «достойных» и «недостойных».

Критика меритократии во имя меритократии

Вновь обратимся к М. Янгу. Одна из причин неприятия им идеи меритократии заключается в сомнительном способе отбора элит – по уровню интеллекта, который измеряют стандартизированными тестами (вроде тестов IQ). Янг показывает, что, отдав предпочтение измерению интеллекта, мы легко можем упустить немаловажные достоинства вроде дружелюбия, преданности, способности сопереживать и т.п. Бездушная меритократия, вырождающаяся в технократию, давно превратилась в пугающую и отталкивающую пер-

спективу. Более того, и к самим тестам IQ давно имеются вопросы. Сегодня исследователи приходят к выводу, что интеллект – феномен многоплановый, а успех в инновационной экономике связан не столько со способностью к абстрактному мышлению, сколько с творчеством, яркой индивидуальностью, оригинальностью [Грант 2019]. Важнейшее значение имеет также эмоциональный и социальный (практический) интеллект, который не поддается точному измерению [Гладуэлл 2016, 76-94]. Преувеличивая значение «сухой рациональности», переоценивая «умных» в ориентированной на успех конкурентной экономике, мы забываем о важнейшей роли тех, кто сегодня считается «проигравшим» в меритократической гонке. Более того, работники «руки» (физического труда) и «сердца» (профессий, которые требуют умения взаимодействовать с другими и эмоциональной отдачей, то есть социального интеллекта) могут быть полезнее для общества, чем высокообразованные и сверхбогатые банкиры и финансисты, чья спекулятивная деятельность скорее разрушительна [Маццукато 2021]. Данный феномен ярко проявил себя во времена пандемии COVID-19, когда «низкоквалифицированный» и малооплачиваемый труд медсестер или водителей скорой помощи оказался наиважнейшим для выживания всего общества. «Несмотря на все свои нововведения, – пишет Д. Марковиц, – современные финансы, похоже, не снизили общие транзакционные издержки финансового посредничества или, например, не снизили долю фундаментальных экономических рисков, которые несет медианное домохозяйство. И современный менеджмент, похоже, не улучшил общие показатели деятельности американских фирм (хотя он, возможно, увеличил отдачу именно для инвесторов). В более общем плане рост меритократического неравенства не сопровождался ускорением экономического роста или повышением производительности» [Markovits 2019, 49].

Отсутствие универсальных критериев определения «достойных» – не единственная трудность. Также возникает вопрос о том, насколько достижения являются заслуженными (грубо говоря, какова доля заслуг в заслугах), насколько справедливо очень высоко вознаграждать за те или иные «достоинства», если они во многом обусловлены внешними факторами вроде наследственности, благополучного социального окружения или удачи. Иными словами, проблема заключается не только в социально-экономическом неравенстве. В результате отделить меритократию от «мифа о меритократии» становится еще сложнее. С опорой на классический труд Дж. Ролза [Ролз 2017] политический философ М. Сэндел отмечает, что спектр возможных преимуществ, неизбежно обуславливающих заслуги, не ограничивается только деньгами. От удачи (например, от хорошей наследственности) зависят как наши природные таланты, так и усилия. Поэтому мы не в полной мере заслуживаем даже то, что зарабатываем упорным трудом, ведь готовность прилагать усилия, пытаться быть достойным сама по себе зависит от счастливой семьи и социальных обстоятельств [Sandel 2020, 124].

К феномену «незаслуженности заслуг» сегодня обращаются все чаще [Фрэнк 2019] с целью разоблачить высокомерие и снобизм элит. М. Гладуэлл в своей книге «Гении и аутсайдеры» на фактическом материале демонстрирует, что те, кого мы боготворим и возвеличиваем, во многом обязаны своим успехом вовсе не божественному дару или трудолюбию, но преимущественно удаче. Спектр анализируемых им феноменов впечатляет. Так, скажем, подавляющее большинство звезд канадского хоккея рождены в первой половине года. Это «железный закон канадского хоккея», когда в любой элитной группе около 40% игроков родились между январем и мартом, 30% – между апрелем и июнем, 20% – между июлем и сентябрем и только 10% – между октябрём и декабрем [Гладуэлл 2016, 23]. Причина проста: набор в возрастные хоккейные группы заканчивается 1 января, то есть рожденные в первой половине года оказываются старше (а потому – выше, крепче, сильнее) остальных в таком возрасте, когда каждый месяц крайне важен (особенно учитывая конкурентный характер хоккея как спорта, в котором любой физиологический

нюанс имеет большое значение). Дальше начинает действовать так называемый *эффект Матфея*³ – феномен неравномерного распределения преимуществ, когда сторона, которая уже ими обладает, продолжает их накапливать и приумножать. В хоккее и в большинстве видов спорта небольшое «стартовое» преимущество оказывает в дальнейшем кумулятивный эффект, ведь тренеры поддерживают прежде всего успевающих, то есть успех порождает дальнейший успех.

Эффект Матфея наблюдается не только в спорте. Так, хорошо изучено его присутствие в (что значимо) образовании или в науке [Мертон 1993]. Успех в учебе во многих случаях обусловлен вовсе не трудолюбием и даже не природными дарованиями, а просто датой рождения (опять же преимущество – за старшими в классе). Подобные феномены повсеместны. Как пишет Гладуэлл, «именно перед успешными людьми зачастую открываются особые возможности, ведущие к еще большему успеху. Именно богатые люди пользуются максимальными налоговыми льготами. Именно лучшим студентам преподаватели уделяют больше всего внимания. Именно самые старшие девяти- и десятилетние ребята получают шанс оттачивать свое мастерство под началом лучших тренеров» [Гладуэлл 2016, 26]. Эффектом Матфея проблемы не ограничиваются. Гладуэлл показывает, что в биографии любого успешного человека можно найти очень значимые «факторы удачи». На успех может влиять очень многое: от демографических ям, когда достичь успеха становится легко в силу снижающейся конкуренции, до удачного наставника, хороших связей у родителей или волны технологических инноваций, позволившей удачно влиться в инвестиционные потоки. Как отмечает Гладуэлл, нам нужно сделать соответствующие выводы из этого фактора удачи: «мы раньше срока скидываем со счетов людей, которых считаем бесперспективными. Мы слишком преклоняемся перед теми, кто добился успеха, и слишком легко отвергаем тех, кто потерпел неудачу» [Гладуэлл 2016, 32].

* * *

Данных фактов (а их можно привести больше) достаточно, чтобы радикально переосмыслить идею меритократии, взглянуть на нее со скепсисом. Многие критики так и делают. Однако в итоге они предлагают лишь «половинчатые» рецепты, косвенно оправдывающие меритократию. Так, критика меритократии в контексте пандемии COVID-19 стала основанием для «оправдания» общественного значения работников «руки» и «сердца». Соответственно, такая критика существует как бы во имя меритократии. К примеру, Д. Гудхарт утверждает, что проблема не столько в меритократии как таковой, хотя этот принцип заслуживает скептицизма, сколько в росте и подъеме именно когнитивной меритократии в последние десятилетия. Данная динамика привела к переоценке одной из форм человеческих способностей. «Политическая задача, – утверждает он, – состоит в том, чтобы попытаться распространить часть вознаграждения и статуса, накопленных когнитивно одаренными, на тех, кто обладает способностями, связанными с “рукой” (техническая и ремесленная) и “сердцем” (забота и эмоциональный интеллект). Это призыв к более широкому пониманию того, что составляет заслуги и, собственно, навыки» [Goodhart 2020]. Заслуги когнитивных элит могут быть ничем не лучше (не полезнее для общества), чем деятельность простых рабочих или тех, кто примечателен не IQ, а способностью общаться, сочувствовать и заботиться (например, медсестры в ковидных госпиталях). Следовательно, нужна другая, более правильная («справедливая»), меритократия, которая бы вознаграждала всех тех, чьи усилия реально полезны.

³ По соответствующему высказыванию из Притчи о талантах в Евангелии от Матфея: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:2).

Данная логика не нова. Еще Д. Белл применительно к идее постиндустриального общества в своей классической работе рефлексировал над антиутопией М. Янга, выступая за следующие черты «справедливой» меритократии: каждого человека следует уважать и не подвергать унижению из-за цвета кожи, пола или других личностных характеристик; чрезмерного неравенства допускать не стоит; от механистичности технократии следует отказаться и сделать упор на личностные результаты и заработанный статус, подтверждаемый высшими авторитетами в тех или иных областях [Белл 2004, 609–616]. Как утверждает Белл, «если тщеславие – или “я” (ego) – не может быть устранено, можно наблюдать равенство уважения по отношению ко всем и дифференцированную степень восхваления, приходящуюся на долю некоторых» [Белл 2004, 615]. По всей видимости, такой интерпретации «справедливой» меритократии придерживаются очень многие, в том числе и отечественные исследователи [Канарш 2019].

Примечательно, что в подобных обоснованиях «справедливой» меритократии акцент на подлинном равенстве возможностей не ставят. Данная особенность резонна, ведь такая логика фактически обосновывает неравенство возможностей, ведущее к закономерному неравенству результатов. Если низкоквалифицированный труд крайне важен, то нужно с уважением к нему относиться, не забывая признавать «дифференцированную степень восхваления, приходящуюся на долю некоторых». Более того, из такого «уважения» легко можно сделать ложный вывод о ненужности для большей части населения благ высшего образования, востребованных компетенций и т.п., ведь сегодня потребность в работниках «руки» и «сердца» очевидно крайне велика. Таким образом, лучше оставить представителям «второсортного» сословия эту возможность приносить благо всему обществу. В самых экстремальных случаях даже можно платить водителям автомобилей скорой помощи и медсестрам почти столько же, сколько менеджерам IT-корпораций. Именно к подобным выводам и приходит один из самых эгалитарных политических философов современности М. Сэндел, который в своих суждениях опирается на радикального критика меритократии Дж. Ролза. «Преодоление тирании заслуг, – пишет он, – не означает, что заслуги не должны играть никакой роли в распределении рабочих мест и социальных ролей. Напротив, это означает переосмысление того, как мы воспринимаем успех, и сомнение в меритократическом самомнении, будто те, кто наверху, добились его самостоятельно. И это означает, что преодолевается неравенство в богатстве и уважении, которое защищают во имя заслуг, но которое порождает негодование, отравляющее нашу политику и разобщающее нас» [Sandel 2020, 146]. Далее следует закономерный вывод, что, несмотря на свою амбициозную привлекательность, меритократическое утверждение о том, будто четырехлетнее обучение в колледже – это путь к успеху, отвлекает от серьезного отношения к образовательным потребностям большинства людей. Следовательно, необходимо «демонтировать иерархию уважения, которая дает большую честь и престиж студентам, обучающимся в именитых колледжах и университетах, чем студентам местных колледжей или программ технического и профессионального обучения. Обучение на сантехника, электрика или стоматолога-гигиениста следует уважать как ценный вклад в общее благо, а не как утешительный приз для тех, кому не хватает баллов SAT или финансовых средств, чтобы попасть в Лигу плюща» [Sandel 2020, 179].

Круг замыкается. Меритократию критикуют, чтобы обосновать меритократию. Общество будет уважать тех, кто выбыл из гонки за высокое положение в высокотехнологичной экономике, хорошо им платить и даже способствовать тому, чтобы далеко не все гнались за «элитными» достижениями, ведь можно приносить пользу обществу и более «простыми» способами. Стало быть, нужно больше училищ, а не университетов. Проблема в том, что критики «меритократии во имя меритократии» упускают из виду, что их аргументы усиливают «плохую» меритократию. В данном случае происходит лишь укрепление системы, в рамках которой высшие места в социальной иерархии

все равно будут распределяться в клубе «суперэллит», пропускным билетом в который останется престижное образование или реализованный (во многом благодаря удаче) творческий талант. Оправдывая малоквалифицированный труд, общество лишь «напоминает» огромным массам людей о необходимости оставаться в статусе уязвимых прекариев, обреченных в большинстве своем на «замену» роботами, о чем сегодня пишут все активней [Сасскинд 2021]. Что важно, мы так и не поймем, а кто, собственно, среди этой массы «уважаемых, но не самых лучших» де-факто остался во «второсортном» статусе лишь благодаря неудачно сложившимся обстоятельствам. Наконец, забывают, что снисходительным «уважением» и денежной «компенсацией» вряд ли можно заменить реальный статус. В современном мире [Prinstein 2017] имеет значение не только доход, но и сама личность, представленная публике в социальных медиа, открытая для диалога со всем миром и для творческой самореализации. Смогут ли «уважаемые» сантехники или, скажем, «справедливо» материально вознаграждаемые медсестры что-то противопоставить буржуазной богеме [Брукс 2013] или креативным работникам высокотехнологичных индустрий, чья яркая личность позволяет по-настоящему «наслаждаться собой»?

Заключение. Возможна ли альтернатива меритократии?

Существует ли альтернатива меритократии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко понимать, чем именно она должна быть. Сложно согласиться с тем, что заслуги не должны играть никакой роли в распределении рабочих мест и социальных ролей. Никто не будет спорить, например, с назначением на самые ответственные операции наиболее опытных и знаменитых своими достижениями хирургов. Однако одно дело, когда меритократию считают идеалом (и потому ставят ее на вооружение в нормативном политическом дискурсе), но совсем другое – когда ее признают неизбежным злом. Во втором случае необходимо отдавать себе отчет в том, что существование меритократии – это изъян в самом общественном устройстве (которое можно и нужно постоянно совершенствовать) и отчасти в природе человека (которую совершенствовать труднее, но можно постепенно «покорять», коллективно и крайне осторожно корректировать), которые допускают как фактическое неравенство возможностей (и соответствующие «мифы о меритократии»), так и, условно говоря, «неравенство результатов». В рамках данной нормативной перспективы следует понимать, что нет пределов развитию талантов каждого, а потому прогрессивных системных изменений в природе человека и общества. Прогресс человечества может быть нацелен на максимальное⁴ развитие способностей каждого (как минимум – на предоставление реальных возможностей для такового), даже если многим такое развитие дается труднее, чем «лидерам». Тем, кто и так от природы способен и умен (и при этом находится в благоприятных, можно сказать тепличных, условиях), проще дойти до уровня университетов Лиги плюща. Важно понять, можно ли большими усилиями сделать нечто подобное по отношению к тем, кто, как представляется, «не достоин». Данная своего рода акселерационистская [Уильямс, Шричек 2018], «максималистская» перспектива ставит во главу угла максимально возможное общественное развитие (стремление к бессмертию, покорение далекого космоса и т.п.), в рамках которого бесценными оказываются таланты каждого (что также во многом служит самоцелью).

Критику меритократии с целью «оправдания» малоквалифицированного труда можно назвать внутренне противоречивой. Такая критика обрекает огромные массы населения

⁴ Однако стоит учитывать, что идея максимального развития способностей и возможностей привлекательно звучит на уровне человечества, но уже не столь привлекательно применительно к отдельному человеку, у которого могут найтись свои причины не стремиться к максимально возможным результатам.

на историческую бесперспективность: в лучшем случае на прекаризацию, а в худшем – на скорую замену их труда трудом машин и автоматизированных систем⁵. Даже если работники «руки» и «сердца» будут нужны всегда (такая вероятность велика [Давыдов 2019]), а их труд будет очень высоко материально вознаграждаться, то это не резон оправдывать существование нескольких сословий, высшие из которых неизбежно будут иметь преимущества личностного, нематериального характера. Здесь имеет смысл вспомнить старую марксистскую идею всесторонне развитого человека. Такой человек не является «одномерным», то есть его деятельность не ограничивается исключительно физической, интеллектуальной или, допустим, социальной деятельностью. Более того, им может быть и «когнитивный» специалист высочайшего класса, но не ищущий славы и власти, ведь общественная польза от деятельности также может приносить удовлетворение и радость. Ему может быть неприемлема сама меритократическая гонка как агрессивная конкуренция за статусы и преимущества. Когда Маркс, Энгельс и многие их последователи писали о преодолении разделения труда, отчасти они имели в виду уничтожение уничижительной меритократической иерархии. Всесторонне, гармонично развитый человек достоин именно из-за того, что он способен не просто блестяще мыслить, но и сочувствовать, ощущать принадлежность к единому человечеству, а также трудиться во благо всех живущих на Земле, развивая свое тело и дух. Разве не в высшей степени достойны владеть крупным предприятием, который несколько часов в неделю посвящает уходу за тяжелобольными, и сверхквалифицированный врач, который по доброй воле оставил свой комфортабельный кабинет ради долгой и изнурительной борьбы с вирусной инфекцией где-нибудь в Индии? Не элементы ли это того самого идеала, который противопоставлял меритократии М. Янг?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.
- Брукс Д. (2013) Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем.
- Гладуэлл М. (2016) Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего? М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Грант А. (2019) Оригиналы. Как неконформисты двигают мир вперед. М.: Издательство АСТ: CORPUS.
- Давыдов Д.А. (2019) Общественно-необходимый труд в дискуссиях о посткапиталистическом будущем: «отменить» нельзя социализировать // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 174–186.
- Канарш Г.Ю. (2019) Элитаристский дискурс справедливости: современные концепции и Россия // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 62–72.
- Маццукато М. (2021) Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Мертон Р.К. (1993) Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *THESIS*. № 3. С. 256–276.
- Ролз Дж. (2017) Теория справедливости. М.: Ленанд.
- Сасскинд Д. (2021) Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Individuum.

⁵ Стоит признать, что и труд работников «головы» тоже может быть автоматизирован системами искусственного интеллекта. Все же процесс этот происходит будет, скорее всего, несколько медленней (особенно в профессиях, связанных с творчеством). Более того, у них всегда будут преимущества, так как наличие хорошего образования и в целом весомого «человеческого капитала» может существенно облегчить «выживание» и сохранение статуса в новую технологическую эпоху.

- Уильямс А., Шрничек Н. (2018) Манифест акселерационистской политики // Логос. № 2. С. 7–20.
- Фрэнк Р. (2019) Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Carnevale A. P., Schmidt P., Strohl J. (2020) *The Merit Myth: How Our Colleges Favor the Rich and Divide America*. New York: The New Press.
- Davies S. (2019) *Meritocracy Is a Bad Idea*. American Institute for Economic Research. (<https://www.aier.org/article/meritocracy-is-a-bad-idea>).
- Goodhart D. (2020) What We Meritocracy Critics Get Wrong. UnHerd. (<https://unherd.com/2020/09/who-does-meritocracy-help-get-ahead/>).
- Guinier L. (2016) *The Tyranny of the Meritocracy: Democratizing Higher Education in America*. Boston: Beacon Press.
- Littler J. (2017) *Against Meritocracy: Culture, Power and Myths of Mobility*. London: Routledge.
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Prinstein M. (2017) *Popular: The Power of Likability in a Status-Obsessed World*. New York: Viking.
- Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Young M. (1961) *The Rise of the Meritocracy, 1870-2033: an Essay on Education and Equality* by Michael Young. London: Penguin Books.

REFERENCES

- Bell D. (2004) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia.
- Brooks D. (2013) *Bobo v raiu. Otkuda beretsia novaia elita* [Bobos in Paradise. The New Upper Class and How They Got There]. Moscow: Ad Marginem.
- Carnevale A. P., Schmidt P., Strohl J. (2020) *The Merit Myth: How Our Colleges Favor the Rich and Divide America*. New York: The New Press.
- Davies S. (2019) *Meritocracy Is a Bad Idea*. American Institute for Economic Research. (<https://www.aier.org/article/meritocracy-is-a-bad-idea/>).
- Davydov D.A. (2019) Obshchestvenno-neobkhodimyi trud v diskussiiakh o postkapitalisticheskom budushchem: "otmenit'" nel'zia sotsializirovat' [Socially Necessary Work in Discussions about the Post-Capitalist Future: "Cancel" Can not Be Socialized?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 174–186.
- Frank R. (2019) *Uspekhi i udacha. Faktor vезения i mif meritokratii* [Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Gladwell M. (2016) *Genii i outsaidery. Pochemu odnim vse, a drugim nichego?* [Outliers: The Story of Success] Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Goodhart D. (2020) *What We Meritocracy Critics Get Wrong*. UnHerd. (<https://unherd.com/2020/09/who-does-meritocracy-help-get-ahead/>).
- Grant A. (2019) *Originaly. Kak nonkonformisty dvigaiut mir vpered* [Originals: How Non-Conformists Move the World]. Moscow: AST Publ.: CORPUS.
- Guinier L. (2016) *The Tyranny of the Meritocracy: Democratizing Higher Education in America*. Boston: Beacon Press.
- Kanarsh G.Iu. (2019) Elitaristskii diskurs spravedlivosti: sovremennye kontseptsii i Rossiia [Elitist Discourse of Justice: Modern Conceptions and Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 62–72. (In Russ.).
- Littler J. (2017) *Against Meritocracy: Culture, Power and Myths of Mobility*. London: Routledge.
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Mazzucato M. (2021) *Tsennost' vsekh veshchei. Sozdanie i iz'iatie v mirovoi ekonomike* [The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy]. Moscow: HSE Publ.
- Merton R.K. (1993) Effekt Matfeia v nauke, II: nakoplenie preimushchestv i simbolizm intellektual'noi sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *THESIS*, no. 3, pp. 256–276.

- Prinstein M. (2017) *Popular: The Power of Likability in a Status-Obsessed World*. New York: Viking.
- Rawls J. B. (2017) *Teoriia spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: Lenand.
- Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Susskind D. (2021) *Budushchee bez raboty. Tekhnologii, avtomatizatsiia i stoit li ikh boiat'sia* [A World Without Work. Technology, Automation, and How We Should Respond]. Moscow: Individuum.
- Williams A., Srnicek N. (2018) Manifest akseleratsionistskoi politiki [Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics]. *Logos*, no. 2, pp. 7-20. (In Russ.).
- Young M. (1961) *The Rise of the Meritocracy, 1870-2033: an Essay on Education and Equality by Michael Young*. London: Penguin Books.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: Sofia Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620219, Russia. E-mail: davydovdmityriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 24.05.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 31.08.2021